

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

УДК 882.09

ББК 83.3(2Рос=Рус)5-8...

И.А. Едошина

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

entelehia@ksu.edu.ru

СТРАХОВ И РОЗАНОВ

Аннотация. Статья посвящена проблемам взаимоотношений Н.Н. Страхова и В.В. Розанова, воспроизводится эпизод, связанный с публикацией работы Розанова «“Легенда о Великом инквизиторе” Ф.М. Достоевского».

Ключевые слова: Розанов, Страхов, легенда, критика, писатель.

Личное знакомство В.В. Розанова (1856–1919) с Н.Н. Страховым (1828–1896) началось с переписки, которая завязалась по инициативе Розанова в январе 1888 года. К этому времени Страхов уже был автором трехтомной «Борьбы с Западом в нашей литературе» (1882–1883), обширного предисловия к «Миру как воле и представлению» А. Шопенгауэра в переводе А.А. Фета (1886), книги «О вечных истинах (мой спор о спиритизме)» (1887) и др. Иными словами, Страхов был человеком известным и не только как автор целого ряда трудов, но еще и как журналист («Русский мир», «Светоч», «Эпоха», «Время», «Заря» и др.), цензор и т.д.

Не буду подробно останавливаться на отношении Розанова к Страхову, которые в основных эпизодах представлены в статье В.А. Фатеева [6, столб. 946–958] и его книге [5, 86–93]. Отмечу только, что отношения эти не были безоблачными, хотя Страхов сумел увидеть в провинциальном учителе уже сложившегося мыслителя, которого в то же время «поругивал» за длинноты, рождавшиеся у Розанова (по его объяснениям) совершенно естественно, поскольку он хотел как можно точнее, более аргументированно выразить свои мысли. Со своей стороны, Розанов увидел в Страхове мыслителя, если не создавшего собственных систем, то развивавшегося в русле русской культуры и отстаивавшего традиции этой культуры. При этом оба никогда не были славянофилами в классическом понимании этого слова. Их объединяло неприятие господствовавших в XIX веке позитивизма, дарвинизма, скептического отношения к вере, нигилизма и революционных идеалов всякого рода разночинцев. Кроме того, оба были связаны с Костромой, где Страхов

учился в духовной семинарии, а Розанов – в гимназии. Но в своем восприятии Костромы они не совпадают. В воспоминаниях Страхова незатейливое образование в духовной семинарии сформировало живое религиозное чувство, никогда не покидавшее затем мыслителя. В памяти Розанова Кострома осталась «дождливой», созвучной тягостным годам, проведенным им в этом городе.

Остановлюсь на одном эпизоде из отношений Страхова и Розанова. Не будучи богатым человеком, Страхов убеждает Розанова опубликовать «“Легенду о Великом инквизиторе” Ф.М. Достоевского», которая изначально была напечатана в «Русском Вестнике» (1891, №№ 1–4), отдельной книгой и берет на себя расходы на издание книги. В результате в 1894 году книга появилась в продаже. Согласимся, сам по себе этот поступок вызывает чувство глубокого уважения к личности Страхова, сразу же сумевшего оценить значимость труда Розанова, который уже успел заявить о себе.

Ко времени выхода «Легенды...» Розанов уже был автором статьи «Цель человеческой жизни» («Вопросы Философии и Психологии», 1882, Кн. 14, 15), книги «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (написана в 1885 г., напечатана в 1886 г.), брошюры «Место христианства в истории. Речь по поводу 900-летия крещения русского народа на публичном акте Елецкой гимназии 1 октября 1888 г.» (1890: в «Русском Вестнике» и отдельной книгой), статей «Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии» (1888: «Вопросы Философии и Психологии», 1890, кн. 3), «Вопрос о происхождении организмов» (1889: «Русский Вестник» и «Жур-

нал Министерства Народного Просвещения»), «Отречение дарвиниста» (1889: «Московский Вестник»), «Красота в природе и ее смысл» (1890: «Русское Обозрение», 1895, № 10–12), «О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов» (1890: «Вопросы Философии и Психологии», № 4). Не будет преувеличением сказать, что весь этот период прошел у Розанова под знаком Страхова [7]. Хотя, с другой стороны, широкой известности все указанные работы Розанов не принесли. Предложив Розанову издать книгу, Страхов способствовал популярности пока еще мало кому известного писателя.

Надо сказать, Достоевский не был Розанову дальним человеком, сопровождая, кажется, всю жизнь, всегда пребывая в сознании где-то рядом, подчас очень близко. Может быть, отсюда сформируется одна из характерных особенностей стилистики текстов Розанова – «интимность», стремление проживать художественные тексты, примеряя их героев, с одной стороны, к реальному, ныне ялящемуся бытию (своему в том числе), а с другой – угадывая через их судьбы будущие последствия происходящих событий. «Интимные» интонации придадут авторским наблюдениям органичность. И в жизни он разговаривал, приближая насколько возможно свое лицо к лицу собеседника, словно стремясь «ввинтиться» внутрь другого человека, одновременно «вывернув сердцевину своей глубочайшей интимности» (В. Андерсон). В книге о Великом инквизиторе Достоевского Розанов впервые заявил о себе не столько критике, сколько писателе.

Собственно, Розанов и не был критиком в традиционном смысле. По его признанию, он критиком только *занимался*. Размышляя над смыслом критики, он, прежде всего, указывает на глубокую внутреннюю связь между художественным текстом и тем, кто его пытается осмыслить: «Что такое критика? Задумчивость над литературою. Но задумчивость может быть над тем, что *само* задумчиво, – само есть греза, или мысль, или вдохновение» [2, 318]

Обратим внимание на выстроенный Розановым ряд – греза, мысль, вдохновение. *Греза* – ‘светлая мечта, призрачное видение’, *мысль* – ‘мыслительный процесс, идея, то, что заполняет сознание’, *вдохновение* – ‘творческий подъем, прилив творческих сил’. Для критика важным оказывается совпадение его дум с тем, о ком он пишет. Причем это *совместное думание* должно

быть эстетически окрашенным. Потому важными становятся греза, мысль, вдохновение как основа общей (писателя и критика) *задумчивости*. Не идеология делает художественный текст произведением искусства, а его эстетическая организация и эстетическое воздействие.

Там, где «авторская уместность» («литературность») подменяет все обозначенные Розановым признаки подлинного художества, литература завершается, а с ней и критика. «Нет великих писателей, нет счастливых критиков». [2, 318]. В случае с Розановым все сошлось: и великий писатель, и счастливый критик. Счастливый в том смысле, что, занимаясь критикой, он возвращал в себе писателя. Критический анализ художественного текста, подобно резцу ювелира, выявлял грани писательского дара самого Розанова.

В литературной критике Розанова временное пространство всегда подвижно, оно то сужается до сознания одного человека, то расширяется до жизни целого общества, а то и всего мира. Здесь Розанов совпадает с тем, кого всегда искренне любил и уважал, – Н.Н. Страховым, который писал: «Предел времени есть *мгновение* (курсив Страхова. – *И.Е.*), не имеющее никакой величины. ... все существует только в мгновении настоящего» [4, 73, 78]. Понимание бытия как суммы «мимолетностей» сформируют в итоге поэтику художественных текстов Розанова. Зарождалась же эта поэтика в недрах его первого опыта литературной критики – в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» [1, 316].

У Достоевского Розанов усваивает близкие ему художественные приемы: ритм отдельной страницы, «куска» с их фиксацией «пронзительной» (П.П. Муратов) мысли; включение в текст аллюзий, прямых и скрытых цитат; функции эпиграфики.

Книга Розанова «“Легенда о Великом инквизиторе” Ф.М. Достоевского» не прошла незамеченной. Казалось бы, Страхову радоваться и расхвалить книгу Розанова, учитывая и собственные затраты, и талант автора, было бы совершенно естественно. Ничуть не бывало! Все-таки этих людей связывали особые отношения (чем-то напоминая то, что отец Павел Флоренский обозначал как «филия»), когда критика не обижает, а является знаком внимания к тому, о ком пишут. В своей оценке книги Розанова Страхов спокоен и невозмутим [3].

Уже в первом предложении заявив, что кни-

га Розанова интересная, Страхов следом ставит в один ряд Розанова и Достоевского. По мысли Страхова, в «Легенде» Достоевского прочитываются мотивы «нигилистического периода» русской литературы. Это было время лихорадки мыслей, мечущихся в пустоте. Современники-либералы корили Достоевского, что он клеветает на молодое поколение, но, возражает Страхов, Достоевский нигилистов несколько облагораживал.

Далее Страхов обращается к значимому для Розанова (добавлю, и для Достоевского тоже) мотиву – «падения человеческой души». Розанов «обобщает Достоевского, смотрит на него с вековой точки зрения. Это естественно, потому что критик на сей раз, можно сказать, сливается с разбираемым автором: что составляет интерес, вопрос для автора, то, очевидно, есть интерес, вопрос и для критика. “падение человеческой души” для него “привлекательнее, чем мир красоты”».

Страхов выделяет *три* основные темы «Легенды...»: характеристика Гоголя (в контраст Достоевскому); истолкование «Легенды...» с актуализацией пессимизма и отчаяния; собственные рассуждения автора, где он старается найти выход из обозначенного пессимизма. По этим темам развивается и мысль Страхова, то вторя им, то решительно расходясь, то обнаруживая смыслы, о которых автор, возможно, даже не догадывался. Но ведь та книга и является великой, в которой каждый находит свой смысл, каждому открывается какая-то грань в общем ее содержании.

Принимая общий смысл противопоставления Гоголя и Достоевского, Страхов не соглашается с категорическими оценками Гоголя, которые дает Розанов в «Легенде...» По его мнению, «Гоголь есть представитель истинного комизма, бесподобный изобразитель человеческой пошлости и глупости». Страхов представил Салтыкова-Щедрина и Ап. Григорьева как *разных* наследников Гоголя. При этом Страхов почему-то утверждает, что женщины лишены способности весело посмеяться над пошлостью. Думаю, такого рода выводы связаны с тем, что женщин Страхов знал больше «теоретически», не случайно женщины не занимали в его жизни никакого места. За исключением, конечно, тех, кто убирал, готовил ему еду, стирал его белье.

Главным в размышлениях Розанова Страхов считает «вопрос социализма». Во времена Достоевского, по Страхову, социализм имел более

светлую окраску, «был смешан с золотыми мечтаниями о счастье и прогрессе». Иное – во времена Розанова, когда идеи социализма были поколеблены, породив чувство полного отчаяния: «Где Бог, и истина, и путь? – спрашиваем мы себя». В этой утрате живого религиозного чувства, по мысли Розанова, с чем согласен и Страхов, виновно европейское человечество, которое исполняет заветы Спасителя наоборот, хотя и продолжает называться христианским.

Обозначенный мотив приводит мысль Страхова в область славянофильских идей, а затем к выводу, что «Розанов славянофильствует». И в этом тоже проявляется влияние Достоевского, у которого множество почитателей и в котором вполне можно увидеть «представителя... соседних взглядов», соседних со славянофильскими. Потому Розанов, обратившись к Достоевскому, славянофильствует.

Завершается статья Страхова определением славянофильства – «просвещенный, идеализированный патриотизм», который «уже никогда не заглохнет у нас ни в грубом и слепом патриотизме, ни в безжизненном космополитизме». Кажется, что вся рецензия написана Страховым ради этого вывода, в пределах которого русская культура смыкается в единое пространство.

Но лично мне представится более важным иное наблюдение: поставив рядом с Достоевским Розанова, Страхов имплицитно указал на писательский дар того, кто еще в таком качестве себя лишь заявил и заявил именно в «Легенде...» Можно только подивиться прозорливости Страхова, его умению проникать в суть явлений, что, с другой стороны, открывает основания столь счастливой дружбы Розанова и Страхова. Страхов когда-то помог Розанову, а Розанов не позволил имени Страхова навсегда кануть в Лету. Говоря словами Страхова, они были *соседними*.

Библиографический список

1. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
2. Розанов В.В. На книжном и литературном рынке // Розанов В.В. Собрание сочинений. Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.) / под общ. Ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000.
3. Старый книголюб [Страхов Н.Н.] «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария В. Розанова. СПб., 1894 // Новое Время. 1894. № 6733. 25 ноября.
4. Страхов Н.Н. О времени, числе и пространстве //

Русский Вестник. 1897. № 1.

5. *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома: ГУИПП «Кострома», 2002.

6. *Фатеев В.А.* Страхов Николай Николаевич // Роза-

новская энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008.

7. Энтелехия // гл. ред. И.А. Едошина. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. 2005. № 11. С. 5–39; 2006. № 13. С. 7–49; 2007. № 15. С. 5–56.

УДК 882.09

ББК 83.3 (2Рос=Рус)6-8...

В.В. Тихомиров

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
vtihom@mail.ru

Н.Н. СТРАХОВ: ДВИЖЕНИЕ К РЕЛИГИОЗНОЙ ЭСТЕТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается развитие эстетической мысли Н.Н. Страхова, становление его критической позиции на основе эклектического сочетания эстетики Гегеля с позитивизмом и, в конечном счете, признание им необходимости возрождения религиозных основ художественного творчества.

Ключевые слова: эстетика, критический метод, этические основы творчества, религиозное искусство.

В истории русской литературной критики XIX века трудно найти более противоречивую фигуру, чем Н.Н. Страхов. Это относится и к его личности, и к мировоззрению, и к литературно-критической позиции. Уроженец г. Белгорода Курской губернии, сын священника, Страхов закончил Костромскую духовную семинарию, где в это время (начало 1840-х годов) ректором был его дядя по матери Н.И. Савченко (архимандрит Нафанаил). После семинарии Страхов учился в Петербургском университете и Главном Педагогическом институте на факультете естественных наук. Институт давал такое же образование, как и университет, но, кроме того, специально готовил преподавателей средних учебных заведений. Некоторое время Страхов учительствовал в гимназиях Одессы и Петербурга, защитил магистерскую диссертацию по зоологии. Многие годы он служил в Публичной библиотеке в Петербурге, дослужился до генеральского чина, был членом Ученого комитета Министерства просвещения, который занимался экспертизой учебников для учебных заведений разных уровней.

Страхов был необычным для своего времени разночинцем: ровесник Л.Н. Толстого и Н.Г. Чернышевского, он всю жизнь оставался глубоко религиозным человеком, вел аскетический образ жизни, не имел семьи, все средства расходовал на приобретение книг. Свою библиотеку, обширности и качеству которой поражались все, кто бы-

вал у него, Страхов завещал Академии наук. Он был большим знатоком и поклонником восточных философских учений: индуизма, буддизма, конфуцианства. Л.Н. Толстой, с большим уважением относившийся к Страхову-философу и литературному критику, постоянно советовался с ним по философским вопросам, просил его рекомендовать книги по философии, которые Страхов привозил в Ясную Поляну, где он в течение более двадцати лет постоянно проводил свой летний отпуск.

Одновременно Страхов известен как неустанный гонитель русских нигилистов и демократической литературы, поклонник философии Шопенгауэра (помогал А.А. Фету переводить на русский язык главный труд философа-пессимиста «Мир как воля и представление»). Сам Страхов в философском плане считал себя гегельянцем. Н.Я. Грот, специально занимавшийся анализом философских взглядов Страхова, писал: «Как философ, Н[иколай] Н[иколаевич] является оригинальным представителем особого мирозерцания, примыкающего к левой фракции гегельянства, – мирозерцания, в котором он с замечательной своеобразностью и тонкостью логического анализа старается примирить начала современного научного анализа с идеалистическими принципами отвлеченной философии» [1, 300]. Н.Я. Грот, в частности, ссылается на письмо к нему Страхова от апреля 1893 года, в котором